

93-5/2148

Книга для чтения по истории Отечества, начало XX в.: Кн. для
К53 учащихся 10 кл. сред. шк. / Сост. К. Ф. Шацлло.— М.: Просвещение,
1993.— 256 с.: ил.— ISBN 5-09-003127-4.

Очерки, помещенные в книге, посвящены наиболее ярким и значительным событиям отечественной истории первых двух десятилетий XX в. Авторы показывают эпоху через судьбы конкретных людей. На страницах книги рассказывается о С. Ю. Витте, П. А. Столыпине, Г. В. Плеханове, П. Н. Милюкове, А. И. Гучкове, А. И. Путилове, В. И. Вернадском и др.

Издание предназначено для учащихся 10 класса и всех интересующихся историей.
В книге помещены редкие архивные фотографии.

К 4306020500—527 инф. письмо — 93, доп. № 2

103(03)—93

ISBN 5-09-003127-4

ББК 63.3(2)5я72

© Сост. Шацлло К. Ф., 1993

94-363

ОТЕЦ РУССКОГО МАРКСИЗМА»

В Александровском саду, протянувшемся вдоль стен древнего Московского Кремля, недалеко от могилы Неизвестного солдата и Вечного огня, стоит скромный серый обелиск. Его история весьма примечательна: воздвигнутый в 1913 г. по случаю 300-летия династии Романовых, спустя 5 лет он был превращен в памятник мыслителям и борцам за свободу всех времен и народов. В канун первой годовщины Октябрьской революции состоялось его второе рождение. На сером камне появились изображение серпа и молота, надпись «РСФСР» и 19 имен, среди них социалисты-утописты, деятели международного рабочего движения XIX — начала XX в. Высечены на камне и имена пяти русских мыслителей, веривших в идеалы социализма, — Михаила Бакунина, Николая Чернышевского, Петра Лаврова, Николая Михайловского и Георгия Плеханова. О последнем и пойдет рассказ.

Биография Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918), которого часто называют «отцом русского марксизма», не слишком богата яркими, захватывающими событиями. Если не считать конца 70-х гг. прошлого столетия, когда молодой революционер-народник Георгий Плеханов спал с револьвером под подушкой, учился владеть кастетом и кинжалом, жил по чужому паспорту и тайно переходил государственную границу, вся его остальная жизнь была связана в основном с книгами, подготовкой теоретических работ, наставлением на путь истины молодых товарищей по рево-

люционному движению. Однако значение проделанной им интеллектуальной работы трудно переоценить: ведь именно Плеханов первым пришел к мысли, что основные выводы марксизма можно применить и к России, что ее ближайшее будущее связано с утверждением капитализма, а рабочий класс под руководством марксистской социал-демократической партии станет сначала главной силой в борьбе народа против самодержавного строя, а затем возьмет курс на социалистическую революцию.

Плеханов родился в мелкопоместной многодетной дворянской семье в деревне Гудаловке Тамбовской губернии. У отца Георгия, отставного офицера Валентина Петровича Плеханова, к концу жизни было всего 90 десятин земли и дом в Липецке, так что детям не приходилось рассчитывать ни на богатое наследство, ни на влиятельных родственников. Плеханов-старший исповедовал одно непреложное правило: работать надо всегда. И этому завету его сын Георгий следовал всю жизнь. Он закончил военную гимназию в Воронеже, затем поступил в юнкерское училище в Петербурге, однако быстро понял, что офицерская карьера не для него. В 1874 г. Георгий стал студентом столичного Горного института, но скоро увлекся идеями бакунизма, принял активное участие в народническом движении и был отчислен со второго курса за «непосещение лекций».

Плеханов мог бы стать первоклассным инженером или талантливым ученым: в институте он увлекался химией, и его блестящими способностями восхищались даже много повывавшие на своем веку старые профессора.

Но, как и многие другие русские

Г. В. Плеханов

интеллигенты, он выбрал иной путь, и делом всей его жизни стала революция. Сегодня само это слово воспринимается иногда очень скептически, а есть люди, которые убеждены, что три русские революции XX в. не только не разрешили ни одной из тех проблем, которые стояли перед обществом, но еще больше запутали их и обрекли народ на самую настоящую трагедию. Плеханов же, который по своему происхождению принадлежал к правящему дворянскому классу, был глубоко убежден в том, что только революционная борьба против самодержавного строя и капитализма принесет русскому народу и всем народам России освобождение от всякой эксплуатации и настоящую свободу.

«Боевое крещение» Георгий Плеханов получил уже в декабре

1876 г. во время демонстрации рабочих и студентов у знаменитого Казанского собора в Петербурге, когда он впервые выступил с революционной речью от имени тайной народнической организации «Земля и воля». Скрываясь от полиции, «Оратор» (эта подпольная кличка надолго закрепилась тогда за Плехановым) на несколько месяцев уехал за границу и побывал в Швейцарии, Франции, Германии. Но уже летом 1877 г. он вновь был в России. Георгий вел революционную работу в Саратове, затем среди петербургских рабочих, «бунтовал» донских казаков, редактировал нелегальную газету «Земля и воля» и сам писал для нее статьи. Так продолжалось до лета 1879 г., когда в народническом движении верх взяли сторонники революционного террора, развернувшие вскоре настоящую охоту за царем Александром II. «Земля и воля» распалась на две новые организации — «Народную волю» и «Черный передел», который возглавил Плеханов.

Считая, что индивидуальный террор не принесет коренного изменения существующего в России социально-политического строя и вызовет лишь ответные репрессии со стороны правительства, он настаивал на необходимости продолжать пропагандистскую и агитационную работу в деревне и среди городских рабочих. Находясь на нелегальном положении в Петербурге, Плеханов отдавал все свои силы налаживанию работы новой революционной организации и подготовке первого номера газеты «Черный передел», который увидел свет в январе 1880 г.

Сохраняя верность народническим традициям, он задумывался над теми новыми вопросами, которые ставила перед русскими революционерами жизнь. В стране быстро

развивался капитализм, успехи которого опрокидывали надежды народников на возможность перехода России прямо от феодализма к социализму. Буржуазные отношения буквально разьедали русскую крестьянскую общину, в которой Плеханов и его товарищи видели основу будущего социалистического строя. Крестьянство оставалось глухим к революционным призывам народников, тогда как «дети капиталистической фабрики» — рабочие, наоборот, все активнее выражали свое недовольство существующим строем. Наконец стало ясно, что нельзя откладывать борьбу за политическую свободу и гражданские права до грядущей социальной революции, поскольку терпеть гнет самодержавия и произвол царских властей было уже невозможно. Вместе с тем террор явно не давал тех результатов, на которые рассчитывали революционеры-народовольцы. Чувствовалось, что народническое движение все больше заходит в тупик, выхода из которого в рамках старой идеологии крестьянского социализма Плеханов не видел.

Уже в конце 70-х гг. Плеханов познакомился с отдельными работами Маркса, научный авторитет которого признавали, к стати говоря, и духовные отцы русского народничества Лавров и Бакунин. Молодому революционеру очень импонировала мысль Маркса о том, что экономические отношения, складывающиеся между людьми, лежат в основе всех других общественных отношений, включая политику, и что история человечества в конечном счете представляет собой закономерную смену общественно-экономических формаций. Однако Плеханов, как и другие народники, еще верил тогда в особый путь исторического развития России,

совершенно не похожий на тот, который прошли западные страны, верил в конечное торжество крестьянской революции и общинного социализма, хотя в этой вере и появились уже первые серьезные трещины.

Между тем в жизни Плеханова назревали большие перемены. Поскольку царское правительство не делало большого различия между террористами-народовольцами и членами «Черного передела», над Георгием Валентиновичем нависла угроза ареста, и товарищи по организации настояли на его временном (как оказалось, на целых 37 лет!) отъезде за границу. Плеханов долго сопротивлялся, но в конце концов подчинился этому решению, рассчитывая использовать пребывание в Западной Европе для пополнения своих знаний и знакомства с международным социалистическим движением. В январе 1880 г. он покинул Россию и обосновался в Женеве, куда вскоре приехала и его жена, студентка-медичка Розалия Марковна Боград. В ноябре 1880 — октябре 1881 г. Плеханов жил в Париже, а затем вновь вернулся в Швейцарию.

Это было очень трудное, но счастливое для него время. Он жил тогда на грани бедности, перебиваясь случайными заработками, тяжело перенес смерть маленькой дочери, оставшейся в России. Но масса новых впечатлений, интенсивная работа в библиотеках, встречи с интересными людьми, посещение лекций в Женевском университете и парижской Сорбонне, диспуты с русскими эмигрантами, защищавшими террористическую тактику «Народной воли», — все это помогало Плеханову заглушить тоску по родине, личное горе, легче переносить нужду.

Более глубокое знакомство с мар-

ксистской литературой и практикой западноевропейского социализма, осмысление опыта народнического движения и собственных впечатлений от революционных контактов с петербургскими рабочими, трезвый анализ состояния дел в «Народной воле» и «Черном переделе» (последний по-настоящему так и не встал на ноги) привели Плеханова к убеждению, что путевой нитью для русских революционеров должен стать марксизм. По собственному признанию Георгия Валентиновича, он перешел на марксистские позиции уже в 1882 г. При этом он быстро превратился в очень ревностного и глубоко ортодоксального сторонника взглядов Маркса и Энгельса. Недаром Плеханов говорил в те годы: «Я больший марксист, чем сам Маркс». А в одном из писем к П. Л. Лаврову он признавался, что готов сделать из «Капитала» своеобразное прокрустово ложе для всех сотрудников затевавшегося тогда за границей народнического журнала. Плеханов писал, что авторитет Маркса стоит для него столь высоко, что он сто раз подумает, прежде чем не согласится с его взглядами.

В наши дни, когда марксизм подвергается острой критике, часто задают вопрос, что привлекло в этом учении такого несомненно умного и талантливого человека, как Плеханов. При этом как бы забывают о том, что в конце XIX — начале XX в. марксистские теоретические чертежи оставались еще на уровне научной гипотезы и никто не мог предвидеть, что даст практика 70 лет Советской власти и опыт строительства социализма в других странах. Совершенно очевидно, что труды Маркса восхищали Плеханова логической стройностью своих выводов, беспощадной критикой темных, антигуманных сто-

рон капитализма, привлекательными, хотя и довольно расплывчатыми картинами будущего справедливого и демократического общественного устройства, ориентацией на молодую, но очень динамичный и быстро набиравший силу класс — пролетариат. Кроме того, Плеханов неоднократно предостерегал от какой-либо поспешности в проведении разного рода социалистических экспериментов, создания новой касты «коммунистических» управляющих, превращения пролетарской партии в некую военизированную организацию, слепо повинующуюся воле вождя-диктатора.

Окончательный разрыв с народо-вольцами дался Плеханову очень нелегко: за границей шли длительные переговоры об объединении двух народнических организаций, издании общего печатного органа и т. п. Однако идейные разногласия оказались настолько значительными, что стали преградой на пути к объединению. Плеханов решил создать в Женеве самостоятельную марксистскую организацию. В сентябре 1883 г. было объявлено о том, что Плеханов и его друзья — бывшие члены «Черного передела» Вера Засулич, Павел Аксельрод, Лев Дейч и Василий Игнатов объединились в группу, получившую название «Освобождение труда».

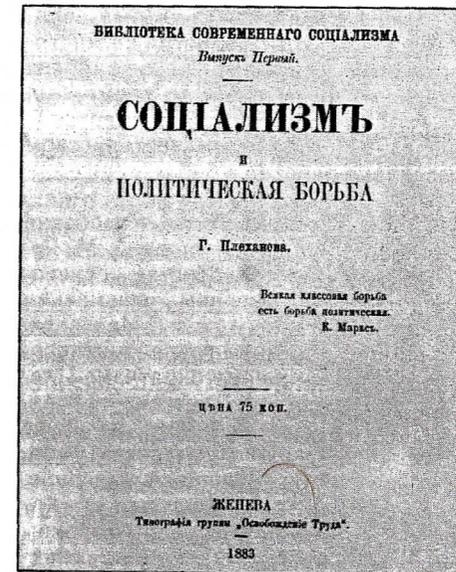
Группа просуществовала 20 лет, до II съезда РСДРП, и сыграла очень большую роль в распространении марксистских идей в России и подготовке условий для создания там социал-демократической рабочей партии. Располагая собственной типографией, купленной на средства Игнатова (он был сыном купца), члены группы «Освобождение труда» издали полностью или в отрывках 30 важнейших трудов Маркса и Эн-

гельса в переводе на русский язык, ряд оригинальных марксистских работ Плеханова, 5 сборников «Социал-демократ», программу группы. Душой всей этой огромной работы, которую приходилось вести, преодолевая постоянные материальные затруднения и колоссальные препятствия на пути установления прямых контактов с родиной, был Плеханов.

Каким же был этот человек, оставивший столь яркий след в истории русского революционного движения и марксистской мысли?

Доминанта его личности — это, несомненно, сильно развитый интеллект. Достаточно ознакомиться с произведениями Плеханова или прочесть воспоминания людей, которые близко его знали, чтобы убедиться в этом. У Плеханова был аналитический, несколько скептический склад ума, ярко выраженная способность к диалектическому и притом очень образному мышлению, стремление к созданию логически завершенной системы взглядов. Он хорошо владел французским и немецким, знал английский, читал литературу на нескольких славянских языках. В его личной библиотеке, которую он собрал в эмиграции, было около 16 тыс. книг и журналов на русском и иностранных языках. Здесь были широко представлены отечественная и зарубежная литературная классика, книги по истории, философии, политэкономии, эстетике, литературоведению. От матери Марии Федоровны, дальней родственницы Виссариона Белинского, Плеханов унаследовал тонкий художественный вкус и любовь ко всему прекрасному. Он отлично знал историю мирового искусства, любил классическую музыку, часто бывал в художественных музеях.

Лучшие страницы произведений Плеханова подобны россыпи драго-

Первое издание книги Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба»

ценных камней: он широко использовал литературные образы самых разных авторов, от Аристофана и Шекспира до Максима Горького и Игоря Северянина, народные поговорки, библейские предания, стихотворные тексты. Плеханов прекрасно владел искусством полемики, нанося своим противникам точные и остроумные удары, что называется, не в бровь, а в глаз. Поэтому даже те публицистические работы Плеханова, которые давно утратили свою актуальность, остаются и сегодня прекрасными литературными памятниками, знакомство с которыми может доставить истинное эстетическое удовольствие. К этому нужно добавить, что Плеханов был прекрасным оратором, хотя порой и злоупотреблял образной стороной своей речи в ущерб ее содержанию.

Георгий Валентинович был великим тружеником. Несмотря на многолетнюю болезнь (в 1887 г. он заболел туберкулезом и какое-то время был на грани между жизнью и смертью), Плеханов с завидным постоянством регулярно работал в библиотеках или дома.

Многие мемуаристы, особенно лично знавший Плеханова А. М. Горький, писали о его «барстве», снисходительно-высокомерном отношении к окружающим и т. п. Наверное, правильнее было бы говорить о некотором духовном аристократизме Плеханова, которым, кстати говоря, обладал и Энгельс, хотя на фоне революционеров-разночинцев и рабочих Георгий Валентинович, наверное, действительно выглядел иногда «барин», выделяясь из толпы хорошими дворянскими манерами, аккуратным костюмом и правильной литературной речью. Он не любил пустых разговоров, терпеть не мог хвастунов и «всезнаек» (таким он и впрямь мог напомнить, что стал марксистом еще тогда, когда их папеньки только ухаживали за их маменьками). Но с людьми интересными и симпатичными ему Плеханов бывал настолько мил и приветлив, обнаруживал в разговоре с ними такую бездну эрудиции, тонкого юмора, блестящего остроумия, что они уходили от него буквально очарованными.

Далеко не всем нравились твердый характер Плеханова, его сильная воля, врожденная гордость и чувство собственного достоинства, большое самолюбие. Однако упрекать его за это было бы по меньшей мере наивно. Больше того, принципиальность Георгия Валентиновича, та прямота, с которой он высказывала свое мнение, и настойчивость, с которой он его защищал, делали ему честь как человеку, революционеру и политику.

В отличие от людей «золотой середины», Плеханов, как правило, предпочитал четко формулировать свою позицию, не останавливаясь на полпути, последовательно шел к намеченной цели и имел мужество, даже оставаясь в политическом одиночестве, не жертвовать своими принципами.

Вместе с тем в характере Плеханова были и некоторые отрицательные черты, часть которых была унаследована им от отца: раздражительность и капризность, известное тщеславие, мелочность, стремление обязательно оставить за собой последнее слово в любом споре. Бывало, что Плеханов незаслуженно обижал своих товарищей и даже близких друзей, бывал несправедлив и явно пристрастен в оценках окружающих. Словом, это была яркая и крупная личность, огню не ангел, но и совсем не демон русской революции, сильный и одаренный человек, прирожденный борец.

Можно смело сказать, что Плеханов был одним из тех людей, о которых сам он писал в своей знаменитой статье «О роли личности в истории»: «Великий человек является... начинателем (это выражение принадлежит английскому историку Т. Карлейлю.— С. Т.), потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным вы-

ражением этого необходимого и бес- сознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила».

Правда, Плеханов не создал какой-либо оригинальной концепции общественного развития в глобальном масштабе. Встав на позиции марксизма, он отдал свой талант пропаганде, защите и развитию его основных идей, а также более детальной разработке ряда специальных научных проблем, связанных с историей русской и мировой общественной мысли, теории искусства и т. д. На основе марксистского учения Плеханов попытался выработать стратегию и тактику пролетарской партии применительно к специфическим условиям такой огромной и своеобразной страны, как Россия. И хотя в решении этой сложнейшей задачи он проявил, пожалуй, излишний догматизм и тяготение к западно-европейским моделям общественного развития, нельзя отрицать, что у него было свое видение как хода русского исторического процесса, так и роли в нем рабочего класса и его марксистской партии.

Плеханов считал, что старая Московская Русь во многом была близка к древним восточным деспотиям с присущими им социальной неподвижностью, кастовым строем, всевластием монарха и полным бесправием народа. Магистральное направление русского исторического процесса он видел в европеизации страны (в этом смысле Плеханов был ярко выраженным «западником»), начало которой положили реформы Петра I, а закончить которую предстояло уже рабочему классу. Плеханов отказался от народнической идеи некапиталистического развития России и признал необходимым разделить русскую революцию на два самостоятельных этапа — буржуаз-

но-демократический и социалистический. Но если вначале он склонен был сближать их во времени, то на рубеже XIX — XX вв. пришел к мысли о том, что указанные этапы будет разделять более или менее продолжительный период «дозревания» буржуазного строя до его вполне развитых форм, на базе которых только и станет возможен переход к социализму. В этой связи, начиная с 80-х гг. прошлого века, он неоднократно и очень резко критиковал любые проявления «революционного нетерпения» и предупреждал о трагических последствиях захвата власти революционным меньшинством, довольно прозорливо предсказав многое из того, что произошло в нашей стране после октября 1917 г. и особенно в период сталинщины.

Роль основного двигателя общественного прогресса Плеханов отводил рабочему классу, призывая русских марксистов не щадить сил для развития его самосознания и организованности. Именно пролетариат должен был стать, по мысли Плеханова, гегемоном, авангардом, инициатором всего освободительного движения в России, направленного против самодержавия, примером для всех других демократических слоев общества, а социал-демократическая рабочая партия — выразительницей интересов всего народа. Плеханов рассчитывал также на то, что в борьбе с царизмом рабочих поддержат крестьянство и буржуазия. Однако оба эти класса неизбежно должны были проявлять непоследовательность, колебания и идти на компромиссы с правительством и царем. Поэтому оценки революционных и оппозиционных стремлений крестьянства и буржуазии у Плеханова неоднократно менялись то в одну, то в другую сторону, но в конечном счете

он склонен был все же переоценивать демократизм либералов и недооценивать силу революционного протеста крестьянства.

Судьба лишила Плеханова возможности превратить свои политические планы в реальные лозунги массового революционного движения рабочих и крестьян. Жизнь толкала народ на более прямой, но зато и более кровавый путь борьбы, который отталкивал Плеханова и его единомышленников. Некоторые считают этот путь неизбежным. Но, так или иначе, нельзя отрицать, что в рекомендациях Плеханова была своя логика и что он до конца оставался при этом на почве марксизма.

Жизнь Плеханова была тем самым «вечным боем», о котором писал Александр Блок. Казалось бы, все его годы в эмиграции прошли за книгами, в литературной работе. Но покой только снился Георгию Валентиновичу, который, подобно мятежному лермонтовскому парусу, сам рвался в бурю. Процесс утверждения марксизма шел в России совсем не гладко. Уже первые марксистские работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1884) носили ярко выраженный полемический характер и были направлены против основных положений народнической доктрины. В конце XIX в. настало время борьбы с так называемыми «легальными марксистами» и «экономистами», а также с либеральными народниками. Не менее острая борьба развернулась и на международной арене, где революционным марксистам противостояли сторонники социальных реформ и сотрудничества с буржуазией (Э. Бернштейн в Германии, А. Мильеран во Франции и др.). В этой борьбе Плеханов защищал взгляды своих учителей Маркса и Энгельса.

В 1889 г. Георгий Валентинович принял участие в Международном социалистическом конгрессе в Париже, который был приурочен к столетию Великой французской революции и положил начало II Интернационалу. Именно там Плеханов произнес свою фразу, ставшую исторической, о том, что революционное движение в России победит только как движение пролетариата или не победит вовсе. После конгресса Плеханов и Аксельрод приехали в Лондон, где встретились с Энгельсом. В свое время Плеханов мечтал увидеть Маркса. В 1882 г. друзья даже сыграли с ним первоапрельскую шутку, сказав, что великий революционер приехал в Швейцарию и ждет их для беседы. Как готовился тогда Плеханов к этой встрече и каким ударом явились для него слова о том, что «приезд Маркса» был просто розыгрышем. И вот теперь он смог, наконец, поговорить с ближайшим другом Маркса, Энгельсом, который еще несколько лет назад не скрывал своих симпатий к народолюбцам. Но теперь ситуация в России изменилась. «Народная воля» сошла со сцены, а Плеханов зарекомендовал себя как марксист, ревностно защищавший наследие Маркса от нападок со стороны его противников. Поэтому прием, оказанный Плеханову в Лондоне, был уже самым радушным. Позже Плеханов и Энгельс еще не раз встречались в 1893—1894 гг.

Плеханов участвовал почти во всех конгрессах II Интернационала, много раз выступал на страницах европейской социалистической печати, опубликовал на иностранных языках три свои книги — «Чернышевский», «Анархизм и социализм» и «Очерки истории марксизма». В архиве Плеханова сохранилась его переписка с социалистами почти

20 стран мира, включая Вильгельма Либкнехта, Августа Бебеля, Карла Каутского, Розу Люксембург, Клару Цеткин, Жюля Гедда, Поля Лафарга, Димитра Благоева и др. Начиная с 1900 г. Плеханов на протяжении многих лет представлял РСДРП в Международном социалистическом бюро.

Личная жизнь Плеханова в конце 80 — начале 90-х гг. складывалась очень тяжело: болезнь, высылка сначала из Швейцарии, а затем и из Франции, смерть любимой дочери Машеньки (у него остались лишь две дочери — Лидия и Евгения), длительная разлука с женой. Лишь в середине 90-х гг. семья Плехановых обрела материальное благополучие: Георгий Валентинович стал получать приличные гонорары за свои литературные произведения, в частности за знаменитую книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», легально изданную в 1895 г. в Петербурге, а его жена открыла собственную медицинскую практику в Женеве. (Позже, зимой 1909—1910 г., она устроила в маленьком итальянском городке Сан-Ремо небольшой санаторий, где лечился и ее муж.)

Весной и летом 1895 г. состоялись первые встречи Плеханова с молодым русским социал-демократом Владимиром Ульяновым. Стали налаживаться контакты между группой «Освобождение труда» и петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», получившие продолжение летом 1900 г., когда, отбыв ссылку в Шушенском, В. И. Ульянов вновь приехал в Швейцарию, чтобы договориться с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда» о совместном издании за границей русской марксистской газеты «Искра». Пере-

говоры проходили очень трудно. Плеханов не без основания подозревал «молодых» (Ульянова, Потресова, а также задержавшегося временно в России Мартова) в стремлении взять руководство газетой в свои руки, тем более что они хотели издавать ее не в Швейцарии, где было много агентов царской полиции, а в Германии. Он нервничал, сердился, неоднократно менял свои решения. Кроме того, выявились и разногласия с «молодыми» по вопросу о сотрудничестве с «легальными марксистами» во главе с Петром Струве и «экономистами» (Плеханов занимал здесь более жесткие, непримиримые позиции, чем Ульянов). Однако общими усилиями конфликт был улажен, причем на уступки пошел Георгий Валентинович. В декабре 1900 г. первый номер «Искры» увидел свет.

Плеханов вместе с Лениным (этот псевдоним взял себе в 1901 г. В. И. Ульянов), В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом, Ю. О. Мартовым и А. Н. Потресовым вошел в редакционную коллегию новой газеты. Правда, он лишь изредка приезжал в Мюнхен, а затем в Лондон, где находилась в 1901—1902 гг. редакция, но поддерживал связь со своими товарищами путем переписки. Кроме того, он опубликовал в «Искре» до осени 1903 г. около 40 статей и заметок, посвященных самым разным вопросам: борьбе с «экономистами» и эсерами, важнейшим событиям рабочего движения в России и т. д. Параллельно с этим шла большая работа по изданию теоретического журнала «Заря», где было помещено несколько крупных работ Плеханова, направленных против Струве, Бернштейна и других идейных противников революционного марксизма.

«Искровский» период стал важным этапом на пути к созданию марксистской социал-демократической партии в России. Собственно говоря, ее учредительный съезд состоялся еще весной 1898 г. в Минске. Однако процесс создания партии остался тогда незавершенным: ведь у нее не было еще ни программы, ни устава, ни ЦК, ни единой тактической линии. В рабочем движении были сильны идеи «экономизма», сторонники которого отдавали приоритет борьбе за насущные материальные интересы рабочих, а в социал-демократических организациях царили кустарничество в работе, местничество, идейная неразбериха. «Искра» дала социал-демократическому движению в России идеологический и организационный стержень, сплотила местные марксистские группы вокруг своей платформы, подготовила программу партии. Огромную роль в этом сыграл и Плеханов.

Однако в 1901—1902 гг. в работе «Искры» возникали порой и поистине драматические моменты, связанные с обсуждением статьи Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», проекта программы РСДРП и ленинской статьи «Аграрная программа русской социал-демократии». Ленин и Плеханов по-разному подходили к перспективам сотрудничества марксистов с либералами, по-разному видели будущую программу партии, неодинаково оценивали уровень развития капитализма в России. Но это были разногласия в рамках революционного марксизма, и борьба Плеханова с Лениным отнюдь не свидетельствовала о его сползании к оппортунизму, появлению у него реформистских тенденций и т. п. С помощью других членов редакции эти разногласия, несмотря на всю их остроту (одно время личные отноше-

ния между Лениным и Плехановым были даже прерваны), были ликвидированы путем взаимных уступок. По справедливому замечанию Плеханова, и он, и Ленин несколько «зарвались» в этих спорах, проявив не лучшие черты своих характеров, причем позиция Ленина, пожалуй, выглядит в целом все же предпочтительнее, чем позиция его оппонента, явно не щадившего самолюбие своего более молодого товарища по редакции.

На II съезде РСДРП, подготовленном «Искрой» и ее Русской организацией, между Плехановым и Лениным царил полное согласие. Все попытки противников твердой «искровской» линии поссорить их между собой закончились безрезультатно. По этому поводу Плеханов рассказал делегатам остроумную историю о Наполеоне, который любил разводить своих маршалов с их женами, и под смех и аплодисменты всего зала заявил, что он с Лениным «разводится» не собирается. Тот, в свою очередь, тоже подтвердил твердое намерение и дальше идти вместе с Плехановым. Характерно, что даже в самый драматический момент работы съезда, когда Мартов выступил против ленинской формулировки первого параграфа партийного устава и внес в ряды делегатов раскол, Георгий Валентинович выступил в поддержку Ленина.

Как известно, к концу съезда делегаты разделились на сторонников Мартова (меньшевиков) и Ленина (большевиков). Среди последних был и Плеханов. Однако вскоре его испугала перспектива развала только-только начавшей вставать на ноги социал-демократической партии. Сыграли, видимо, свою роль и циркулировавшие в эмигрантских кругах слухи об интригах Ленина против Плеханова, его намерениях стать

партийным диктатором и т. п. Так или иначе, Плеханов резко повернул фронт и в последний день октября 1903 г. заявил, что не может больше «стрелять по своим». В итоге Ленин вышел из редакции «Искры», а Плеханов единолично кооптировал в ее состав всех старых редакторов — Аксельрода, Засулич и Потресова.

Сам Плеханов неоднократно говорил, что его нельзя механически причислять ни к меньшевикам, ни к большевикам (первых он считал несколько «дубоватыми» марксистами, а вторых вообще не называл иначе как бакунистами или заговорщиками-бланкистами, не имеющими якобы ничего общего с Марксом). Он довольно самоуверенно полагал, что ортодоксальный марксизм представлен в России группой «Освобождение труда», тогда как возникшие после II съезда РСДРП фракции большевиков и меньшевиков лишь «приближаются» к ее взглядам и степень этого сближения и определяет его фракционные симпатии.

Действительно, и меньшевики, и большевики в какой-то мере были «детьми» Плеханова, однако и те и другие пошли в конечном счете своим путем. И хотя меньшевики по многим параметрам были ближе к «отцу», «сто процентным», «настоящим» меньшевиком Плеханов все же никогда так и не стал, часто занимая особую, во многом отличную от других меньшевистских руководителей позицию. Его, бесспорно, роднило с меньшевиками неприятие любого политического волюнтаризма и социального экспериментарства, признание бесспорного примата экономики над политикой, объективных факторов над субъективными. Плеханов возлагал свои надежды не столько на организацию профессиональных революционеров (напомним, что

Ленин видел в ней своего рода архимедов рычаг, с помощью которого можно «перевернуть» Россию) или на мировую революцию, сколько на развитие классового самосознания рабочих, на развитие творческих возможностей пролетарской массы. Не случайно он придавал столь большое значение различным легальным пролетарским организациям и Государственной думе, считая, что именно они помогут политическому просвещению народа. Роднило Плеханова с меньшевиками и его отношение к либеральной буржуазии, надежды на обострение ее конфликтов с царским правительством.

Вместе с тем он не переносил расплывчатости и неопределенности меньшевиков, не разделял их скептического отношения к революционному подполью. Как и большевики, Плеханов чувствовал себя наследником якобинских традиций Великой французской революции, выступал за гегемонию рабочего класса в освободительном движении, не раз объявлял себя сторонником установления диктатуры пролетариата, подчеркивал выдающуюся роль социал-демократической рабочей партии в историческом процессе. В период русско-японской войны Плеханов, как и большевики, стоял на позициях революционного пораженчества.

1905 г. прошел у Плеханова под знаком отхода от меньшевиков. В мае он даже вышел из редакции «новой», меньшевистской «Искры» и начал переговоры с большевиками, которые шли до осени, но так и не увенчались успехом. В конце 1905 г. Георгий Валентинович тяжело заболел и не смог, в отличие от Ленина, Мартова, Засулич, вернуться на родину, хотя буквально рвался в Россию. На рубеже 1905—1906 гг. у Плеханова происходит какой-то внутренний над-

лом, совпавший со спадом в развитии первой российской революции. Являясь на протяжении всего 1905 г. горячим сторонником вооруженного восстания и призывая тщательно готовить его не только агитационными средствами, но и путем всесторонней военно-организационной работы, Плеханов резко осудил Декабрьское восстание в Москве и некоторых других районах России («не нужно было и браться за оружие»). Не разделял он и широко распространенных в то время среди социал-демократов взглядов на необходимость бойкота I Государственной думы, проявив в данном случае гораздо больше политической прозорливости, чем большевики (напомним, что позже Ленин тоже признал бойкот I Думы ошибкой).

В 1906—1907 гг. Плеханов вновь сблизился с меньшевиками и выступал на IV и V съездах РСДРП в защиту их политической платформы, поддержав, в частности, идею муниципализации земли (в противовес национализации, предложенной Лениным), создания ответственного перед Думой кадетского правительства, созыва так называемого «рабочего съезда» и т. п. Одним словом, Плеханов разделял меньшевистскую установку на замену самодержавия буржуазной демократической республикой парламентского типа при отказе пролетариата от какого бы то ни было участия в правительстве и ограничении его политической роли оппозицией буржуазной конституционной власти слева.

Однако после поражения революции, в связи с усилением в меньшевистской среде ликвидаторских настроений (отказ от нелегальной социал-демократической партии и перенесение центра тяжести на работу в легальных организациях), Плеха-

нов вновь отходит от основного ядра меньшевиков во главе с Мартовым, Даном, Аксельродом и др. и возглавляет так называемых меньшевиков-партийцев, одновременно возобновляя контакты с большевиками. Тем не менее на прочный политический союз с ними Плеханов не пошел, занимая по существу центристскую позицию между сторонниками Ленина и ликвидаторами, которых он резко осуждал. В 1912 г. Плеханов отказался участвовать как в созванной Лениным Пражской партийной конференции, так и в созданном в противовес ей Августовском блоке с участием ликвидаторов, Троцкого и некоторых национальных социал-демократических организаций, продолжая выступать за единую, не разделенную на фракции и группы Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Параллельно с этим Плеханов все больше погружался в научную и литературно-публицистическую работу. С 1909 г. и до конца жизни его основные силы уходят на подготовку многотомной «Истории русской общественной мысли» со времен Киевской Руси до начала XX в. Однако он успел издать лишь первые три тома этого поистине грандиозного труда, оборвав изложение на эпохе Радищева и осуществив лишь небольшую часть своего замечательного замысла.

В годы первой мировой войны Плеханов занял, в отличие от большевиков и значительной части меньшевиков, патриотические позиции, выступая за победу России над Германией и не останавливаясь ради этого перед призывами к резкому сокращению масштабов классовой борьбы внутри страны, голосованию социал-демократов за военные кредиты в Государственной думе, отказу от стачек

на военных предприятиях, участию рабочих в военно-промышленных комитетах и т. д.

В это время не только прекратились всякие контакты Плеханова с большевиками, пораженческие взгляды которых казались ему преступлением перед собственным народом, но и усилилась его изоляция от меньшевиков. Общий язык в это время Плеханов находил лишь с эсерами-оборонцами и бывшим большевиком Алексинским, вместе с которым он издавал выходившую в Париже социал-патриотическую газету «Призыв».

В ночь на 1 апреля 1917 г. Плеханов вернулся в революционный Петроград, где месяц назад было свергнуто самодержавие. На Финляндском вокзале ему была устроена теплая встреча. Планировалось его участие во Временном правительстве в качестве министра труда. Однако непопулярность Плеханова в рабочих массах, которые были измучены войной и плохо принимали его ура-патриотические призывы, а также болезнь помешали осуществлению этих планов. В итоге Плеханов возглавил лишь небольшую социал-демократическую группу «Единство», стоявшую вне рядов меньшевизма, и стал редактором одноименной оборонческой газеты, в которой было опубликовано в 1917 г. свыше ста его статей. Их лейтмотивом стали призывы к продолжению войны с Германией до победного конца, соглашению между пролетариатом и буржуазией на базе взаимных уступок и классового сотрудничества, а также критика совершенно беспочвенных, по мнению Плеханова, большевистских утопий о возможности победы в России социалистической революции.

Плеханов не признал Октябрьской революции как закономерного

и исторически подготовленного шага на пути России от капитализма к социализму, осудил роспуск Учредительного собрания и заключение Брестского мира. Однако когда эсер Борис Савинков предложил ему возглавить антисоветское правительство, Георгий Валентинович наотрез отказался, заявив, что не будет участвовать в расстрелах рабочих, даже если они и совершают ошибку, поддерживая большевиков.

В последние дни октября 1917 г. в квартире Плеханова в Царском Селе был произведен обыск: красногвардейцы искали у «буржуев» оружие. Когда об этом стало известно в Петрограде, было отдано распоряжение об охране Плеханова, но жена перевезла его сначала в одну из петроградских больниц, а затем в санаторий на территории отделившейся к тому времени от России Финляндии. Здесь Георгий Валентинович и скончался в мае 1918 г. Похоронили его в Петрограде на Литераторских Мостках Волкова кладбища, недалеко от могилы Белинского.

Судьба Плеханова, как и судьба многих русских революционеров, включая Ленина, оказалась глубоко трагичной. История пошла совсем не так, как виделось им в их планах и мечтах. Характерно, что Плеханов не раз предупреждал о возможности извращений марксистского учения, предвидел опасность перерождения правящей революционной партии и превращения ее в узкую коммунистическую секту, оторванную от народа. К сожалению, эти предостережения были оставлены большевиками без внимания.

Вместе с тем нужно сказать, что и тот путь, которым предлагал идти Плеханов в 1917 г., не мог быть поддержан рабочими, крестьянами

и солдатами. В этих условиях Плеханов был обречен на политическое одиночество и изоляцию. Отстаивая свои взгляды, он сохранил свою честь и достоинство, но ничего не смог изменить в судьбах своей многострадальной родины. За ним не было ни сильной революционной партии, ни поддержки передового класса. Почти сорокалетняя эмиграция не прошла бесследно. Но идеи Плеханова живут и сегодня. Философ-материалист, мыслитель-диалектик, теоретик социализма Георгий Валентинович Плеханов по праву занимает почетное место в нашей истории.

ЮЛИЙ МАРТОВ

Сестра В. И. Ленина М. И. Ульянова вспоминала об одном разговоре, который состоялся в 1922 г. между ее братом и Сталиным. Речь шла о Юлии Мартове — социал-демократе, в прошлом друге Ленина, затем его политическом противнике, покинувшем в 1920 г. пределы Советской России. Узнав о серьезной болезни Мартова, Ленин просил Сталина, ставшего тогда генеральным секретарем ЦК РКП(б), послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», — возмутился Сталин, который видел в Мартове только яростного критика большевизма, лидера меньшевиков, «антисоветчика» и своего личного врага.

Для Ленина Мартов был фигурой куда более сложной: ведь до II съезда РСДРП они были единомышленниками, товарищами по революционному делу. Ленин ценил в Мартове его яркое журналистское

дарование, преданность интересам рабочего класса, искренний интернационализм. Именно Мартов снят рядом с Лениным на известной фотографии 1897 г., запечатлевшей руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» перед их высылкой в Сибирь. Один из немногих людей, с которыми обычно очень сдержанный в проявлении своих чувств Ленин был на «ты», Мартов платил ему дружеской симпатией, вниманием, уважением. А такое, как бы далеко ни развела их затем судьба, не забывается. Иначе неясно, почему за несколько месяцев до смерти безнадежно больной, лишенный дара речи Ленин был так взволнован, увидев в эмигрантских газетах сообщение о кончине Мартова в Германии в апреле 1923 г.

Л. Мартов — литературный и партийный псевдоним Юлия Осиповича Цедербаума. Сам он объяснял его возникновение так: месяц март часто бывал в истории разных стран временем революционных событий: в марте 1848 г. начались революции в Германии и Австрии, в марте 1871 г. была провозглашена Парижская Коммуна, 1 марта 1881 г. в России народовольцами был убит Александр II. Буква «Л», заменившая в псевдониме собственное имя Юлий, была знаком его любви к сестре Лидии. Кстати говоря, из восьми детей в семье Цедербаумов семеро были связаны потом с социал-демократическим движением: кроме Юлия меньшевиками стали Сергей (партийный псевдоним Ежов) и Владимир (Левицкий), а также Лидия.

Юлий родился 12 (24) ноября 1873 г. в Константинополе, где его отец служил тогда в Российском обществе пароходства и торговли. С началом русско-турецкой войны семья переехала сначала в Одессу,